

**«МНЕ НУЖЕН ПУТЬ...»:
о сборнике стихотворений
Ирлана Хугаева «Вериги воли»**

(Ирлан Хуга. *Вериги воли: книга стихов и стихий.* – Владикавказ: Ир, 2013. 240 с.)

*Смотри:
Солнце у нас внутри.
Оно и награда.
Аплодисментов не надо.
Ирлан Хуга. «Награда».*

Вряд ли кто-нибудь из специалистов и любителей, внимательно следящий за тем, что происходит в современной осетинской русскоязычной литературе, сможет припомнить поэтический сборник такого уровня, как книга Ирлана Хугаева «Вериги воли». Филологи республики ее заметили и оценили, но почему-то публично высказаться пока никто не осмелился. Может, кто-то должен стать первым? А потом с этим, уже как-то оформленным, пусть и предварительным, мнением гораздо проще будет соглашаться или спорить. Иногда вообще спонтанная реакция, первое впечатление оказывается самым правильным и сильным, хотя стихи – такая «стихия», к которой можно и должно возвращаться постоянно. Особенно если они ошеломляют.

Я не буду говорить об элементах эстетики постмодернизма и философии экзистенциализма в стихах И. Хугаева, о клаузулах и пиррихиях, я – о человеческом впечатлении о книге. Пусть эта скромная реплика станет приглашением к разговору об уместности/неуместности поэзии в наше время.

Кто из нас не думал о том, что в век скоростей и неумолимого потребления, в век жадности и убогого по сути своей приоритета материальных ценностей над духовными не до стихов и поэтов? Кто из нас не хотел бы при этом знать ответы на вопросы: «Для чего мы здесь?», «Почему нам бывает больно?», «Что все-таки важнее всего на свете?»... Иногда для того, чтобы по-

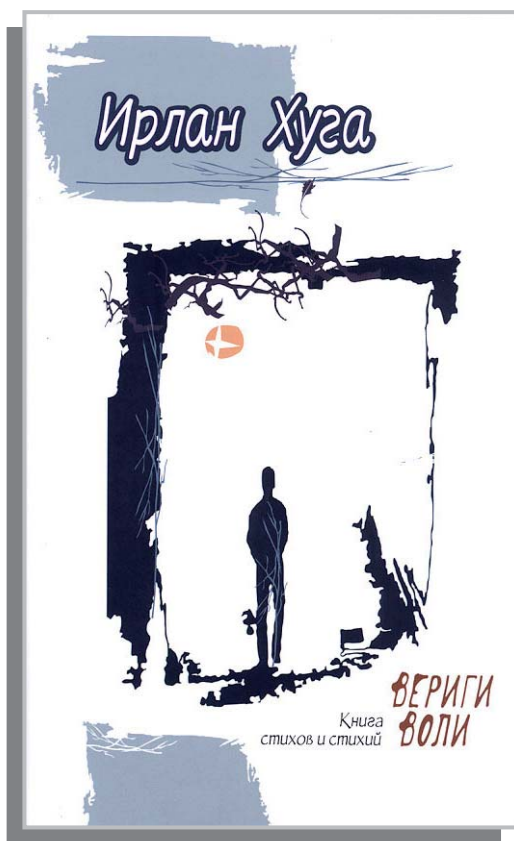
знать истину, достаточно закрыть глаза и прислушаться. Именно поэты умеют это делать, ловя какие-то шаманские волны в пространстве, вытаскивая странные и нужные слова из космоса...

Они проделывают это чаще и эффективнее, чем те, кто поэтического дара не имеет. И именно к ним, к поэтам, стоило бы прислушиваться, если не страшно потерять покой, точнее, если невозможно его не потерять.

И еще важно, что истина о главном чаще всего все-таки содержится не в философских трактатах, не в учебниках по социологии, не в психологических пособиях и тренингах, где человек рассматривается как нечто обобщенное, усредненное, а в произведениях искусства, где автор, выворачиваясь наизнанку, что, безусловно, требует огромной силы и смелости (не наглости, как сейчас часто случается), взваливает на себя некую миссию, показывая, как он сам, лично, не обобщенно, каждым атомом своим, каждой частицей, каждой клеточкой болезненно и трудно

ищет смыслы. В этом ракурсе уровень искренности автора – показатель глубины (или дальности?) его погружения внутрь себя (в текстах И.Хугаева данный признак зашкаливает) и показатель любви к людям, которых он хочет предупредить, которым может поведать о своих «терниях и звездах», которым он дарит себя, свое нутро, свою боль и радость, чтобы...

...Трудно сказать о цели. Для автора, наверное, цель не оформляется вербально: он просто не может не высказаться, он погибнет или сойдет

с ума, промолчав. Кстати, в истории литературы есть такие случаи. Для читателя цель обращения к поэзии тоже вполне очевидна и проста до предела: задуматься, остановиться, попытаться понять и простить (каждое искреннее произведение искусства – это еще и просьба автора о прощении) другого человека.

Мне, кстати, тоже придется попросить прощения за вынужденную субъективность того, что я пишу: просто не знаю и не могу придумать, как можно иначе высказаться о стихах. Если говорить о них научно, с использованием соответствующей терминологии, то восприятие их уже не будет столь эмоциональным и трепетным, на что наверняка рассчитывал их создатель.

Когда я вздохнул, за ночь, периодически вытирая слезы, прочитала-проглотила книгу Ирлана Сергеевича, то первым, что пришло в голову, был отрывок из Апокалипсиса: «Судьи сели. И раскрылись книги». Думаю, что именно такие книги могут стать оправданием не только автору, но и многим грешникам, чьи размышления и сомнения выразил в математически отточенных строчках поэт.

Кстати, о математике, вернее, о точности. Ирлан Сергеевич умудряется формулообразно, аксиоматично, максимально четко выражать то, что по сути философски глубоко, широко и размашисто.

У него есть коротенькое стихотворение из шести букв:

*Лют
Люд.*

Если не пробежать глазами этот «ребус», а «внедриться» в него, то в этих шести буквочках можно найти практически всю мировую историю вместе с философией, психологией и социологией. Да еще сверху этот шедевр почти кокетливо «присыпан» филологическим изыском. Чтобы было очевидно и понятно: это формула совершенства.

С той же непоэтической расчетливостью построен весь сборник: первое стихотворение – о бунте:

*Я тоже верил вам, отцы
Теорий и гипотез:
От чудодейственных вакцин
Ромашкой цвел гипофиз.*

*Но вот, устав влачить вериги –
Читать и чтить чужие книги,
Низверг я ханжеский диктат –
И сел за собственный трактат.*

Последнее – пронзительная молитва:

*Отче,
Отче,
Отчего?..*

Разве путь от бунта к смиренному обращению к Богу не с просьбой даже, а с вопросом – это не символ движения от молодости к мудрости? И сразу возникает тайна: а что после молитвы? Что может быть дальше и глубже? И так хочется дождаться нового сборника, чтобы на этот вопрос ответить.

Части книги названы «стихиями», что очень удачно. И выстроены они друг за другом в логичную цепочку: утро («Утрата утра»), день со всей его суетой («Междущарствие», «Крупная игра», «Дети плача»), потом ночь со снами и бессонницами («Бессонница») и снова утро.

Многие словосочетания, изобретенные И. Хугаевым, – «головоломны». Читателю, который пытается вникать в суть, приходится «спотыкаться» буквально на каждом шагу. Даже название книги – пример такой неразрешимой задачи: «вериги воли». Все понятно, даже достаточно зримо, хотя воля – совершенно абстрактная категория, но вериги каким-то образом ее «приземляют», делая осязаемой. Проблема в другом: как могут повлиять на волю вериги? Что они с ней делают? Они ее усиливают или ослабляют? Нет ответа, но есть повод думать, переживать и писать научные труды. И почти все так: очень зримо и просто, казалось бы, а полезешь вглубь – до мурашек.

*Пусть другой подарит тебе цветы.
Пусть другой тебя поведет в кино.
Ты со мной на «вы», я с тобой на «ты».
Между вами «и», между нами «но».*

*Между вами «да», между нами «нет»;
Между вами, может быть, только миг, –
Между нами, кажется, двадцать лет,
Между нами тысяча умных книг.*

*Семь чудес меж нами и семь грехов,
Семь моих смертельно любимых вин;
Между нами адова тьма стихов,
А теперь, как видишь, еще один...*

*Между вами бог, между нами бес,
Между вами дух, между нами плоть;
Я всегда один – и с тобой, и без,
Ты всегда со мной, без меня ты хоть.*

*Как с тобою быть или без тебя?
Что сказать любя или не любя?..*

И. Хугаев любит поиграть со словом, ему явно доставляет удовольствие экспериментировать с читательским восприятием, то отталкиваясь от высказываний своих учителей в литературе и искусстве, то обманывая ожидания читателя, готового к определенному развитию сюжета и не получающего того, что он намеревался увидеть, то препарировав слова, влезая в их этимологию, нарушая привычные связи или предлагая какие-то необычные трактовки и варианты.

Ирлан Сергеевич видит, что жизнь есть во всем, даже в камне, она есть в тех местах, где мы не в состоянии ее обнаружить. Он замечает красоту и смысл там, где только он и мог их заметить, а нам, воспринимающим, приходится лишь удивляться, что этого не сделали мы:

*Дух совершенный – проявится зримо:
Бог симметричен – черт однок.
Все, что прекрасно – неповторимо;
В каждой снежинке – теплится бог.*

Это повсюду в книге: за обычным и привычным смыслом, который сам по себе поражает глубиной, – филологические приключения, доступные внимательному и благодарному читателю. Вот отгадайте тайну такого четверостишия:

*колыбель
колыбельная
реквием
гроб.*

Да-да-да. Сразу вряд ли получится. Но если угадали, то эмоции – одна за другой: радость от собственной победы и приближения к авторскому замыслу, ступор от объемности и огромности того, что нам открылось, восторг перед талантом человека, который это придумал.

Все сказанное – не главное. Главное в том, что книга по-настоящему мудра с присущей этому качеству легкой иронией, с тонким юмором, с пережитой и не пережитой болью, с надеждой и отчаянием, с сомнениями в справедливости происходящего вокруг и с верой в Бога и его милосердие. И сделано все так красиво, просто и тонко, что постоянно возникает ощущение, что именно это и именно так нужно, необходимо было сказать.

*Ты предо мной,
Как белый лист,
Чиста;
Я вождею
Белизну листа;
И подлецом
Я стал поэтому;
И потому
Я стал поэтом.*

Я нашла в сборнике одну существенную ошибку. И. Хугаев пишет о своем читателе:

*И чтоб пометить безотчетно сладкий
чужой печали безвозмездный мед, –
он из цветка не сделает закладки,
страницы ненароком не загнет.*

Но это неправда. И в знак протеста в своем личном экземпляре поэтического сборника Ирлана Хугаева я не совсем интеллигентно и правильно с точки зрения этикета туго и жестко загнула страничку.

Л.В. Белоус,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской и
зарубежной литературы
СОГУ им. К.Л. Хетагурова.

